

СУДЬБА, НАЧЕРТАННАЯ КРОВЬЮ

ничто
из предсказанного
не приговор

18+

ДАНИЭЛЬ Л. ДЖЕНСЕН

Даниэль Л. Дженсен
Судьба, начертанная кровью
Серия «Путь Героини.
Героическое ромэнтези»
Серия «Сага о судьбовольных», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74107417

*Судьба, начертанная кровью / Даниэль Л. Дженсен: Эксмо; Москва;
2026*

ISBN 978-5-04-250118-0

Аннотация

Фрея никогда не была властительницей своей судьбы. Удачно выйти замуж, стать образцовой хозяйкой и навсегда отказаться от мечты защищать свой народ наравне с прочими отважными воинами – вот жизнь, которая ее ждет.

Все меняется, когда муж Фреи решает продать ее местному ярлу. Тот вынуждает хрупкую девушку биться насмерть со своим сыном Бьорном – свирепым, обаятельным полубогом, чье пламя может не только обжечь, но и согреть...

Чтобы выжить, Фрее приходится раскрыть свой самый сокровенный секрет. Она – дочь богини. Ее магия – ключ

к объединению земель Скаланда, которым жаждет завладеть каждый охочий до власти.

Что выберет Фрея? Покориться судьбе и стать орудием ярла или пойти против богов ради шанса быть любимой?

Первая часть новой дилогии Даниэль Л. Дженсен, автора популярного цикла «Королевство моста».

Высокие рейтинги на платформах Amazon и Goodreads, бестселлер New York Times.

Для поклонников творчества Сары А. Паркер, Сары Дж. Маас и Ребекки Яррос.

Героическое фэнтези, вдохновленное скандинавской мифологией.

Сильная, острая на язык главная героиня и харизматичный главный герой.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	49
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Даниэль Л. Дженсен Судьба, начертанная кровью

Danielle L. Jensen

A FATE INKED IN BLOOD (Saga of the Unfated #1)

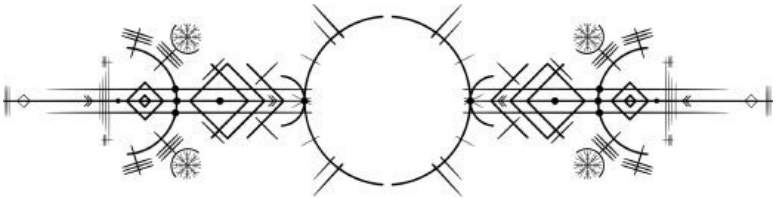
© Гусаков К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается Тамар –
без тебя я бы пропала!*

Глава 1

Мать научила меня многому, чтобы я стала своему мужу хорошей женой. Готовить и убирать. Ткать и шить. Искать места охоты и собирательства. А лучше бы научила сдержанности, чтобы не пырнуть мужа, когда он окажется недалеким пьяницей с язвительным, как кислота, языком...

Ибо сегодня мой и без того вспыльчивый нрав подвергся жестокому испытанию.

– Ты что делаешь? – наклонился над моим плечом Враги, обдавая меня разящим медовухой дыханием.

– Ровно то, что видишь. – Я провела кончиком ножа по брюху рыбы, и ее внутренности вывалились наружу. – Улов чищу.

Обиженно фыркнув, Враги выдернул нож у меня из руки, чуть не порезав мне ладонь. Затем схватил другую рыбу, вспорол ей брюхо, вывалил нутро кровавым комком – точно так же, как я, – и воткнул кончик ножа в деревянный брусок.

– Видишь?

– Я умею потрошить рыбу, – процедила я сквозь зубы, всем своим существом желая выпотрошить муженька. – Я их тысячи разделала.

– Не нравится мне, как ты делаешь. – Он скривил губы. – Неправильно делаешь. Люди жалуются.

Это, конечно, правда, но жаловались они вовсе не на потроха.

Мой дражайший муж был сыном богов, ведь при зачатии ему досталась капля крови Ньёрда, даровавшая ему могущество над морскими созданиями. Вот только на благо народа он ее не использовал, а лишал улова других рыбаков, наполняя только собственные сети. И потом драл вдвое больше, чем стоила та рыба, с тех самых людей, чьи сети он оставлял пустыми.

Все это знали. Но никто не решался возразить ему.

Он был Враги-Спасителем, тем, кто избавил Сельвегр от голода, когда десять лет назад случился неурожай, а он приманивал рыбу из Северного моря, чтобы никто не остался с пустым желудком.

Все называли Враги героем. Может, когда-то он им и был, но щедрость, благодаря которой его так нарекли, уничтожили слава и жадность, и теперь люди плевались, услышав его имя, пусть и чествовали Враги ежегодным пиром. А нож ему в спину до сих пор никто не всадил в основном благодаря покровительству ярла.

Но не только.

«Мы все должны помнить, что однажды его чары могут снова нам понадобиться, Фрея, – заявила мать, когда я пришла ей поплакаться. – А ты и вовсе не забывай, что он приносит в твой дом богатство».

Богатство.

Именно поэтому отец согласился, несмотря на мои яростные протесты, выдать меня за Враги. Но не успел осознать свою ошибку, поскольку умер в ночь нашей свадьбы, заставив всех перешептываться о дурных знамениях и обреченных на несчастье союзах. Если это и правда был знак от богов, они могли бы и не утруждаться. Едва Враги на глазах у всех гостей впихнул свой отвратительный язык в мой рот, я поняла, что брак с ним станет сущим проклятием.

И минувший год подтверждал это каждым днем.

Вот только доносить горькие слова о нем до чужих ушей оказалось трудно, ведь с моей матерью Враги был щедр и оплачивал все ее нужды, а мой брат заслужил место в хирде самого ярла.

«Ради семьи, – мысленно повторила я, как в ту ночь, когда мы поженились. – Я буду его терпеть ради семьи».

А вслух сказала:

– Я исправлюсь, – и потом, поскольку он остался недоволен, добавила: – Сделаю по-твоему, Враги.

– Покажи.

Его снисходительность заставила меня сжать зубы так сильно, что они чуть не треснули, но я послушно взялась за

дело, быстро распотрошив очередную рыбу.

Враги фыркнул и сплюнул на землю рядом со мной.

– Права была моя мать, уж лучше жениться на уродине, чья ценность в ее умениях. А не на той, что просто хороша лицом. Красота не потрошит рыбу. Красота не готовит еду. Красота не приносит детей.

Что касается последнего, уж моя внешность точно никогда ему не поможет.

Я тратила почти все серебро, которое он мне выделял, на лимонный сок и губки у торговцев, что прибывали к нам с южных морей. И если Враги когда-нибудь задумывался, почему после близости пахнет цитрусами, он не спрашивал. Да будет он и впредь в неведении.

– Год, женщина. Целый год супружества и соития, а сына все нет.

Я согнулась над доской, потроша очередную рыбу, чтобы скрыть слезы ярости, готовые вот-вот пролиться. Я бы никогда не обрекла ребенка на такого отца. Никогда.

– Сделаю подношение.

Чистая правда – в начале каждого цикла я приносила жертву богине, в честь которой меня нарекли, умоляя сохранить мое чрево пустым. До сих пор она была милосердна.

Ну, или мне просто везло.

Словно услышав мои мысли, Враги схватил меня за косу и вздернул на ноги.

– Я не желаю подношений, Фрея, – прорычал он. – Я же-

лаю, чтобы ты старалась усерднее. Делала все правильно. Дала мне то, чего я хочу.

Кожу головы обожгло, лишь тугая коса помешала ему вырвать клочок волос, и я вышла из себя.

– Возможно, это ты все делаешь неправильно, муженек. Ощущения, по крайней мере, именно такие.

В воздухе повисло осязаемое молчание.

Умная женщина пожалела бы о подобных словах, но я была явно чистейшей воды идиоткой, поскольку почувствовала лишь вспышку злобного торжества, когда колкость медленно вонзилась в цель. Лицо Враги, обрамленное густой бородой, потемнело, на виске забила, словно лиловый червяк, жилка. А потом в мою щеку вжался его нож.

– Возможно, – прошептал Враги, обдавая меня смрадным дыханием. – Нужно просто-напросто сделать тебя менее прелестной, Фрея. Тогда тебе придется научиться чему-нибудь.

Сталь, холодная и жестокая, сокрушила мой триумф, и на его место пришел страх.

И все же... я не могла уступить. Позволить себе сломаться, или заплакать, или умолять, ведь именно это и доставляло Враги удовольствие – меня унижать. Поэтому я встретила с ним взглядом и процедила:

– Давай. Давай, Враги, а потом иди в деревню и посмотри, станут ли там закатывать в твою честь пир и звать тебя героем, когда они узнают, что ты изуродовал лицо своей жены назло ее красоте.

Враги скривил губы:

– Я им нужен.

– Но это не значит, что они обязаны тебя чувствовать.

А нарцисс вроде него нуждался в почестях.

Я наблюдала, как скрежещут жернова его разума: он размышлял, сколько боли сможет причинить мне без последствий. Но я упорно не отводила взгляда, хотя ладони ощутимо взмокли. Лезвие вжалось сильнее, до острой боли, и я резко втянула воздух в попытке сдержать нарастающую панику.

Враги услышал.

Он ухмыльнулся, удовлетворенный крошечным проявлением моей слабости. Он отпустил косу и отвел нож.

– Возвращайся к работе, женщина. Когда закончишь, отнеси две рыбины своей матери. Быть может, она тебе напомнит об обязанностях. Ведь это ее вина да твоего отца, – Враги сплюнул, – что ты их не знаешь.

– Не смей говорить о моем отце плохо!

Я схватилась за нож, но Враги лишь усмехнулся:

– Вот и доказательство. Он забыл, что ты дочь, и воспитал как второго сына. Теперь вместо жены у меня взрослая женщина, которая играет в воина, словно малое дитя, размахивая палкой и представляя, что всякое дерево – это враг.

В груди разгорелся жар, щеки вспыхнули огнем. Потому что тут Враги был прав.

– Может, я и сам приложил к тому руку, – продолжал он. –

Слишком уж много позволял тебе бездельничать, а это, боги свидетели, губит добрый нрав.

Единственное время, когда мне дозволялось бездельничать, были часы сна, но я промолчала.

Развернувшись, Враги направился напрямиком к кромке воды, где под солнцем блестел фьорд. Поднял руку – и воззвал к Ньёрду.

Долгое мгновение все оставалось неподвижным, и я мысленно вознесла молитву, умоляя, чтобы бог моря наконец осознал, каким ублюдком был его ребенок, и лишил его силы.

Напрасную молитву, поскольку мгновение спустя вода задрожала. И на берег посыпалась рыба.

Сначала их было всего несколько, но затем они стали выпрыгивать из воды десятками так, что я уже едва различала камни сквозь бурлящую массу плавников и чешуи.

– Это должно тебя занять, – Враги ухмыльнулся. – Передавай матушке горячий привет.

Он развернулся и пошел прочь, а окровавленный нож в моей руке задрожал в едва сдерживаемой ярости.

Я уставилась на рыбу, что билась на берегу, отчаянно пытаясь вернуться в воду. Какое расточительство, мы никак не успеем столько продать, и они просто сгниют. А ведь Враги поступал так не первый раз.

Однажды я наблюдала, как он выволок на берег кита, но не убил сразу, а позволил сползти в воду, чтобы потом сно-

ва вытащить его. Враги проделывал это снова и снова перед всей деревней, мучил живое существо без всякой причины, просто потому что мог, и глаза его были полны восторга.

Все закончилось, лишь когда мой брат протиснулся сквозь толпу и, вонзив топор в мозг кита, положил конец его страданиям и позволив остальным приступить к разделке туши. Нас должен был ждать славный пир, но никто не радовался.

Я не желала снова так сожалеть.

Подобрав юбки, я бросилась к бьющейся рыбе, схватила одну и закинула в воду. А потом еще и еще, и некоторые были такими тяжелыми, что на помощь им уходили все мои силы.

Продвигаясь вдоль берега, я возвращала улов мужа в море, и всякий раз у меня сжималось нутро, когда я находила уже мертвую рыбу, будто каждая – мой личный провал. Но их было слишком много.

Обнаружив очередную еще живую рыбу, которая умудрилась забиться в кусты, я подняла ее и бросила через плечо обратно в воду.

Вместо всплеска раздалось громкое ругательство, и, обернувшись, я увидела мужчину, который стоял по пояс во фьорде и потирал щеку, по которой я, очевидно, ударила его рыбиной.

– Рыба не пострадала? – строго спросила я, всматриваясь в воду и кусты, боясь, что своей попыткой спасти я ее погубила. – Она уплыла?

Мужчина перестал тереть лицо и уставился на меня в изумлении.

– А как же я?

Я оставила попытки найти рыбу и присмотрелась к незнакомцу внимательнее. Мое лицо мгновенно вспыхнуло. Даже с покрасневшей от удара щекой он был поразительно привлекателен. Высокий, широкоплечий, на вид всего чуточку старше моих двадцати лет. Черные волосы сбриты по бокам, а оставшиеся пряди собраны в короткий хвост на затылке, покрытом татуировками. У него были высокие скулы и точечные черты лица, и хотя большинство мужчин носили бороды, у него была лишь легкая щетина. Рубашки на нем не было, с обнаженного торса стекала вода, его тело было покрыто мощными мышцами, а загорелую кожу испещрили десятки татуировок. Воин, знамо дело, и даже без оружия он может быть весьма опасен.

Я скрестила руки на груди, осознав, что так и не ответила.

– А какой дурак станет плавать во фьорде, когда лед только растаял? Замерзнуть насмерть хочешь, что ли?

И я для пущей убедительности дернула подбородком в сторону проплывающей мимо мужчины здоровенной глыбы льда.

– Не очень-то похоже на извинение. – Не обращая внимания на лед, он подошел к кромке воды. – Да и меня, скорее, летающая рыба прикончит, чем холод.

Я опасно отступила на шаг, узнав его легкий акцент.

Нордланд редко ходил в набеги столь ранней весной, но такое все же случилось, и я быстро окинула взглядом фьорд в поисках драккара и людей. На воде было пусто. Тогда я осмотрела густой лес, что вздымался по склону горы.

Ага!

Глаз привлекло движение, и я замерла, пытаюсь его найти снова. Но что бы это ни было, оно исчезло. Наверное, пробежала мелкая дичь.

– Я не захватчик, если это тебя тревожит. – Мужчина остановился по колено в воде, показав зубы в насмешливой улыбке. – Всего лишь человек, которому не помешало бы помыться.

– Якобы. – Я мысленно обругала себя за то, что оставила нож на разделочной доске. – А может, ты лжешь. Отвлекаешь, пока твои собратья уже наступают на мою деревню, готовые убивать и грабить.

Он поморщился:

– Ладно-ладно. Подловила.

Я напряглась, готовая криком предупредить всех, кто только услышит, но тут он продолжил:

– Родичи сказали, мол, боец из тебя неважный, зато ты весьма хорош собой, так что твое дело – переплыть фьорд и очаровать красавицу, бросающую рыбу. Когда она отвлечется, мы преспокойно нападём. – Он вздохнул. – Дали единственную задачу, а я тут же с треском ее провалил.

У меня вспыхнули щеки, но я выросла со старшим братом,

а потому умела не остаться в долгу.

– Провалил, разумеется. Заигрываешь ты так же бездарно, как и сражаешься.

Он запрокинул голову и расхохотался, так глубоко и сочно, что, несмотря на все мои попытки оставаться настороже, мои губы сами собой расплылись в улыбке. Боги, как же он красив – словно сам Бальдр вырвался из мрачных недр Хель и предстал передо мной.

– Твои слова, женщина, летят в цель столько же метко, как и рыба. – Он вышел из воды, его плечи так и тряслись от смеха, а вымокшие штаны облепили крепкие мышцы ног и задницы. – Я так ранен... Придется навсегда остаться на этой стороне фьорда, собратья ни за что не примут меня обратно.

Вблизи я оценила, насколько он огромен – на голову выше меня и в два раза шире в плечах. По гладкой коже стекали капельки морской воды. Я должна была велеть ему уйти, убраться, ведь я замужем и мы на земле моего супруга. Но вместо этого я оглядела незнакомца с головы до ног и обратно.

– А с чего ты решил, что я захочу тебя тут оставить? Биться ты не умеешь. Заигрывать тоже. Даже рыбу поймать не способен, когда она летит прямиком в тебя.

Он прижал руку к напряженным мышцам живота и притворно согнулся пополам, выдохнув:

– Смертельный удар...

Рухнул передо мной на колени, он с ухмылкой уставился

на меня снизу вверх, и солнце озарило его глаза – зеленые, словно первая весенняя листва.

– Прежде чем ты со мной покончишь, позволь доказать, что я не совсем уж бездарен.

Застань нас кто-нибудь в таком виде и доложи Враги, мне бы не избежать гнева Хель. И, пожалуй, заслуженно, ведь я замужем. Замужем за тем, кого ненавижу каждой частичкой своего существа и от которого мне не суждено избавиться, как бы отчаянно я того ни желала.

Поэтому я произнесла:

– И какими же талантами ты можешь меня заинтересовать?

Искра в глазах незнакомца разгорелась жарким пламенем, и у меня внутри все сладко сжалось.

– Я лучше покажу. Думаю, не разочарую.

Сердце бешено колотилось о ребра. Это все неправильно, ужасно неправильно, однако эгоистичная часть меня была безразлична. Я хотела лишь одного – поцеловать обаятельного, привлекательного незнакомца, и плевать на последствия.

Вот только я... не такая.

Я с трудом сглотнула, отгоняя ноющее желание, требовавшее продолжить эту сцену, и протянула руки, чтобы поднять мужчину на ноги. Его ладони были мозолисты, а их тыльную сторону испещрили шрамы – вразрез словам, что он, дескать, не боец.

– Не знаю, откуда ты, но женщины у вас там, видать, либо дуры, либо совсем отчаялись, раз клюют на такую чепуху. Иди куда шел.

Я с трудом старалась не задерживать дыхание, ожидая реакции на мой отказ, ведь немногие мужчины воспринимали подобное спокойно. Но он лишь слегка склонил голову и произнес:

– А ты, похоже, не отчаялась и не дура – вот уж не повезло, как сказали бы некоторые. – Он поднял мою руку, совершенно не смущенный тем, что от нее несло рыбой, и легко коснулся губами моих костяшек. – Но я считаю, это лишь значит, что мне придется постараться, ведь ты и впрямь удивительная женщина.

От прикосновения его губ по телу волной прокатилась дрожь, и я вся утонула в омуте зеленых глаз. Незнакомец отпустил мою руку и коснулся лица – скользнул большим пальцем вдоль отметины, которую оставил нож Враги у меня на щеке.

– Где твой муж?

– С чего ты взял, что я замужем? – выпалила я, но незнакомец просто развернулся и пошел вверх по склону, к скакуну – а я его и не приметилла, привязанного к дереву.

Незнакомец натянул рубаху и только потом глянул в мою сторону.

– Кольцо. Так где мне его искать-то?

Я невольно сунула руку с простым серебряным кольцом

в складки юбки:

– Зачем тебе знать, где он?

– Убить. Сделаю тебя свободной, и ты разделишь со мной постель, не заботясь о приличиях, – ответил незнакомец, подтягивая подпругу, а затем ловко вскочил на спину высокого коня. – Зачем же еще?

Внутри у меня все оборвалось.

– Ты не можешь!

– А я уверен, что могу. – Он объехал меня по кругу. – Ты была права, красавица, когда сказала, что я одинаково искусно заигрываю и сражаюсь. Поощажу бедолагу, разделаюсь с ним быстро, и ты станешь вольна исполнить любое свое желание.

– Не посмеешь! – вскрикнула я, хотя грезила о безвременной кончине Враги чаще всего. – Я запрещаю!

– Ах! – Он пошел на второй круг, и неказистый чалый мерин громко фыркнул. – Что ж, в таком случае подожду, пока он не падет жертвой летучей рыбы. Будет в этом некая справедливость.

Одарив меня улыбкой, полной всевозможных обещаний, он направил коня вдоль берега.

– Ты куда?! – крикнула я, все еще не до конца понимая, шутит он или говорит всерьез, а в голове всплыла мысль, что он и впрямь захватчик. – Убивать?!

Оглянувшись через плечо, незнакомец ухмыльнулся:

– Передумала насчет его долголетия?

Да. Я сжала кулаки:

– Нет, разумеется.

– Жаль.

На мой вопрос он так и не ответил, поэтому я, подобрав юбки, бросилась за конем.

– Куда ты? Что тебе нужно в деревне?!

– Мне – ничего, – отозвался незнакомец. – А вот ярлу Снорри кое-что нужно, и он, должно быть, уже гадает, куда это я запропастился.

Я застыла как вкопанная, всем своим существом желая провалиться сквозь землю. Мой брат служит в хирде ярла. И если он прознает, что я заигрывала с этим мужчиной...

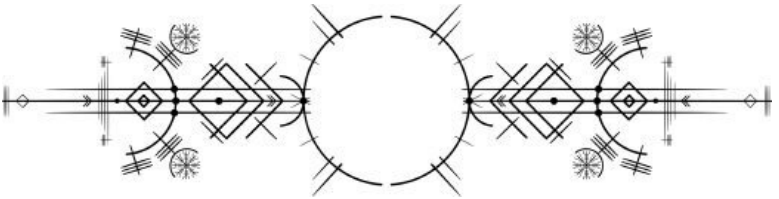
– Ты хирдман?

Незнакомец подмигнул:

– Вроде того.

И, ткнув коня в бока пятками, он галопом унесся прочь, а я осталась смотреть ему вслед.

Глава 2

Взбудораженная сверх меры, я провозилась с уловом почти до полудня. Нагрузив телегу для Враги, я отобрала пару лучших рыбин для матери. К тому времени трепет от встречи с воином угас, и на смену ему пришло гнетущее осознание: Враги жив, я – его жена, и я его разгневала.

Горный ветер свистел между склонами, неся с собой запах талого снега. Я глубоко вдохнула, радуясь, что смрад рыбы, потрохов и собственного стыда остался позади, хотя все они основательно пропитали мою одежду. Под ногами хрустели сосновые иголки, испуская терпкий аромат хвои, и напряжение в плечах начало отступать.

Все будет хорошо. Все обойдется. Я с Враги не первый раз собачилась – и уж точно не последний. Один год с ним сдюжила, сдюжу и второй. А потом и третий.

Но я так хотела не просто выживать. Я хотела, чтобы мои дни были чем-то бóльшим, а не сроком, который нужно перетерпеть. Хотелось жить ими, чувствовать их вкус. Нахо-

дить в них страсть и живое волнение, как в тот краткий миг на берегу с незнакомцем.

Из-за этих «хочу» моя жизнь и была мучением. Если бы я только могла перестать желать, может, я и обрела бы крупицу счастья в том, что имела. Но едва мысль пронеслась в голове, я поморщилась. Точь-в-точь слова матери: «Хватит желать большего, Фрея, тогда будешь довольствоваться тем, что есть».

Сжав под левым плечом сверток с рыбой, я наклонилась и подхватила палку. Повернувшись, огрела ею одно дерево, затем другое, продвигаясь по тропинке так, словно вокруг меня был не лес, а орда врагов. И плевать, что я выглядела скорее ребенком, чем взрослой женщиной. Я вскинула сверток как щит, отражая воображаемые удары, задышала часто и рвано, а пряди волос прилипли к взмокшим вискам.

Я упивалась жжением в мышцах, нападая и защищаясь, наслаждалась каждым резким вдохом, радовалась боли в ладони всякий раз, когда палка ударяла в дерево. Вот о чем я мечтала – сражаться, а не потрошить изо дня в день рыбу у фьорда ради одних и тех же деревенских покупателей. Вступить в хирд ярла и ходить в набеги на врагов на востоке и западе. Стоять насмерть, защищая родную землю от налетчиков Нордланда, добывать достаток силой меча. А потом зимовать с родными, пировать, пить и веселиться, пока вновь не наступит время набегов.

Мой старший брат Гейр мечтал о том же и был на верном

пути к цели. Когда мне стукнуло четырнадцать, а ему шестнадцать, отец взял Гейра на альтинг, и ярл Снорри вручил ему воинский браслет и позвал в набег. Теперь, в двадцать два, мой брат – прославленный воин.

Но стоило мне заикнуться, что я желаю пойти по его стопам, как надо мной стали смеяться. А когда родные поняли, что я не шучу, их веселье сменилось безмолвным ужасом.

«Даже не думай, Фрея, – наконец отрезал отец. – Рано или поздно они прознают твою суть, и тогда выбора у тебя не останется больше никакого и никогда».

Мою суть. Мою тайну.

Мое проклятие.

«Как родишь дитя, так сразу бросишь это глупое желание вечно делать то же, что и брат, – вторила мать. – Угонишься».

– Да не угомонюсь! – заорала я в ответ воспоминанию, запуская палку в чашу.

И тут из свертка на землю вывалилась рыбина.

– Проклятие.

Я рухнула на колени, подобрала ее и кое-как отряхнула от налипшей грязи и хвои, костеря себя за все эти мысли. За все эти мечты о запретном.

– Надеюсь, это угощение не для меня.

Я поднялась на ноги и, обернувшись, встретила взгляд брата.

– Гейр! – Смеясь, я бросилась вперед и обвила руками его

шею. – Ты что тут делаешь?

– Спасая свой обед, похоже.

Разжав объятия, брат окинул меня внимательным взглядом, и я ответила тем же. У него, как и у меня, была бледная кожа, такие светлые волосы, что казались почти белыми, и янтарные глаза, сверкавшие, словно два солнца во время затмения. Он здорово окреп с тех пор, как стал жить с ярлом в Хальсаре, уже не такой стройный и гибкий, как я, а мощный и крепкий.

– Ешь побольше, совсем тощая, – произнес Гейр и добавил: – Ярл Снорри сейчас в деревне, говорит с твоим мужем.

По спине пробежал холодок: Враги часто вызывали к нашему вождю, а чтобы наоборот – такого никогда не случилось.

– По какому поводу?

Гейр пожал плечами, взял рыбину и большим пальцем потыкал ей в жабры.

– Улов, думаю. Зачем еще искать разговора с Враги?

– Не в бровь, а в глаз, – буркнула я, выхватывая рыбу у брата, а потом направилась по тропинке к дому нашей семьи.

– Быстро же угасает пыл новобрачных.

Гейр зашагал рядом, бряцая оружием. Топор и сакс знакомые, а вот меч явно новый. И кольчуга под плащом. Либо добыл в набегах, либо купил на свою долю. Нутро скрутило от зависти. Задавив ее в себе, я зыркнула на брата.

– Какой еще пыл? Отродясь его не было.

– Справедливо.

Брат пнул камень, и тот покатился по тропинке. За последний год Гейр отрастил бороду и вплел в нее серебристые колечки. Теперь он выглядел старше и суровее, чего, по всей видимости, и хотел добиться. Я слегка подергала его за бороду.

– А что Ингрид об этом думает?

Привлекательный и обаятельный Гейр мог заполучить любую, но я-то знала, что он еще с детства сохнет по моей подруге, Ингрид. Знала, что он надеется заполучить в грядущих набегах достаточно богатств, чтобы построить дом и попросить ее руки.

– Ей жутко нравится. Особенно, говорит, как щекочется, когда я...

Я пихнула брата локтем так сильно, что он пошатнулся:

– Пошляк.

Гейр усмехнулся:

– Виноват. Но ты уходишь от разговора, Фрея. Мы оба знаем, что Враги – жадный урод, но он твой муж. Теперь, когда отец больше не с нами, мой долг...

Я ловко его подсекла и ухмыльнулась, когда Гейр распластался на спине. Наступив ему на грудь ногой, я заявила:

– Я тебя люблю, братец. Но начнешь меня поучать, как быть хорошей женой, – и любви сильно поубавится. – Я надавила всем весом. – Не так много лет утекло с тех пор, как я тебя колотила до кровавых соплей, уж не забыла, как это

делается.

Я ждала, что он рассмеется. Обзовет Враги сухопутной рыбой. Скажет, как ему жаль, что меня всучили этому уроду. Что я достойна большего.

Но вместо этого Гейр сказал:

– Мы уже не дети.

А потом схватил меня за лодыжку и дернул.

Я так приложила о землю задницей, что едва язык себе не откусила и позвоночник чуть не ссыпался. Но Гейр сел и даже бровью не повел, когда я сплюнула кровь.

– Враги богат и имеет вес у ярла Снорри. Браслет я, может, и получил, потому что ярл до сих пор поминает нашего отца добрым словом, но за службу круглый год он мне платит из-за Враги. Если доведешь мужа и он тебя вышвырнет, Снорри может отвернуться от меня. А если я потеряю место в хирде, как тогда добыть богатство для женитьбы на Ингрид?

Будто я могла об этом забыть.

– Если уж на нас с Ингрид тебе плевать, так хоть о матери подумай. – Гейр уперся локтями в колени. – Враги о ней печется. Платит людям, чтоб вели хозяйство и скотину кормили. А если не о матери, так помысли о собственном положении здраво. У тебя дом, о каком другие только мечтают, и денег на побрякушки немерено. – Гейр щелкнул пальцами по одному из серебряных колец в моей длинной косе. – Что бы ты делала без Враги?

– Сражалась бы. Ходила в набег. Сама бы себе все добы-

ла, – отрезала я. – Враги мне не нужен.

Брат раздраженно фыркнул и поднялся на ноги.

– Не будем ругаться. Столько месяцев не виделись.

Я взглянула на его протянутую руку, и где-то внутри мне хотелось продолжать спор. Но мы оба знали, что я никогда не приму решение, которое навредит семье, и потому все мои доводы теряли всякий смысл. Так что я схватила его руку, и он рывком поднял меня на ноги:

– Куда Снорри собирается в набег этим летом?

Гейр не успел и рта раскрыть, как до нас донесся стук копыт. Из-за поворота показался отряд всадников, и у меня свело все нутро: во главе ехал мой муж, с самодовольной ухмылкой на роже.

– Мой господин, – кивнул Гейр здоровяку рядом с Враги – судя по всему, ярлу Снорри.

Я его в жизни не видела – никогда не выезжала из Сельвегра дальше чем на пару часов и не бывала в его крепости в Хальсаре. Высокий, с мощным телосложением, темные волосы с пробившейся сединой в бороде, глубокие морщины вокруг глаз, поджатые губы. Многие бы назвали ярла красивым, но от его взгляда меня пробрало до костей.

Будто я его добыча, будто мной можно обладать.

– Гейр, – отозвался ярл, но его глаза были по-прежнему устремлены лишь на меня.

Мне до смерти не хотелось смотреть в них в ответ, поэтому я изучала спутников ярла. Кроме Враги с ярлом скакали

трое мужчин в кольчугах, вооруженные саксами, топорами и мечами – весь их облик говорил о боевой славе. Одинокая женщина при них была вооружена лишь коротким саксом на ремне, а глубокий вырез ее платья обнажал длинную ложбинку меж грудей под завязками плаща. Мой взгляд скользнул мимо них всех – и уперся в того, кто замыкал отряд.

Ох, боги.

Хотя его присутствие здесь было вполне логичным, при виде воина с берега меня будто молнией поразило. И точно такое же потрясение отразилось в его зеленых глазах, чей взгляд метнулся от меня к Гейру и обратно, пока ярл говорил.

– А это сестра, о которой ты все уши прожужжал, Гейр? – И, не дав моему брату ответить, ярл повернулся к Враги: – Она твоя жена, верно?

– Верно, господин. Это моя Фрея.

Не твоя, хотелось прошипеть мне. Никогда твоей не была. Но я прикусила язык, потому что от происходящего у меня внутри все заледенело – и ощущение это в тысячу раз усугубляла самодовольная рожа Враги.

Он лыбился, как кот, которому подали полную миску сливок. Чему он так радовался? Почему Снорри и его воины здесь? Что им нужно?

– Ты, Гейр, не рассказывал, что твоя сестра еще и боец, – проговорил Снорри. – Враги мне тут шепнул, что она рвется в набеги этим летом, так ли это?

– Нет! – выпалил брат и тут же попытался скрыть оплошность за смешком. – Фрея только и умеет, что рыбу потрошить да хозяйство вести. Какой из нее воин?

Я ощетибилась, а затем прикусила щеку, когда Снорри одарил меня довольной улыбкой:

– Ты не согласна, Фрея? Считаешь, что умеешь сражаться?

– Я...

Все взгляды устремились на меня одну. Я с трудом сглотнула, по спине заструился пот. Лучше сказать правду, тем более что навыки мои были известны многим.

– Отец учил меня драться еще в детстве. Я могу за себя постоять.

– Твоего отца зовут Эрик.

– Звали. – поправила я. – Он умер год назад.

– В бою погиб, верно?

Я прикусила щеки еще сильнее, до боли. Я не знала, это брат солгал или ярл не потрудился запомнить.

– Нет, господин. Отец упал замертво в ночь моей свадьбы. Знахарка сказала – сердце.

Снорри поскреб подбородок:

– Досадно. Эрик был свирепым воином в самом расцвете сил. Мы сражались плечом плечу во многих битвах. Раз тебя учил он, значит, ты хороша. А лишние бойцы мне никогда не помешают.

– Она замужняя женщина, – встрял Гейр, не дав мне и

слова вставить. – При всем уважении, дело Фрей – семья, а не битвы.

– Верно, – кивнул Снорри. – Вот только Враги утверждает обратное. Дескать, Фрея больше думает о сражениях, чем о детишках.

Боги милостивые.

Меня осенило одновременно с Гейром, чье лицо побледнело. Враги решил разорвать наш брак и просил ярла стать тому свидетелем. К горлу подступила жгучая желчь, ведь как бы сильно я ни желала избавиться от Враги, я знала, чем это грозит. Знала, что расплачиваться придется моей семье – потому что я не умею держать свой проклятый язык за зубами.

– Посмотрим, не лучшая ли Фрея воительница, чем жена. – продолжил Снорри. – Дай ей оружие, Гейр.

Брат не шелохнулся.

Взгляд ярла посуровел.

– Смеешь ослушаться?

– Не позволю причинить сестре вред.

Гейр защитит меня из гордости. Я это понимала и не собиралась смотреть, когда мне всего лишь нужно стерпеть унижение. Может, оно умаслит Враги, и он передумает.

– Гейр, дай меч.

Брат рывком развернулся ко мне, и его янтарные глаза горели огнем.

Я протянула руку.

Он пристально смотрел на меня, а я беззвучно умоляла

его догадаться, чем все закончится. Понять, что мне грозит всего лишь пара-тройка синяков да знатный удар по гордости. Удар, который я готова была стерпеть ради него и матери.

Тянулись секунды, воздух на поляне густел от напряжения. Наконец Гейр нехотя извлек меч из ножен и протянул мне рукоятью вперед. Я сжала ее в кулаке, ощущая кожаную обмотку и тяжесть клинка. Ощущая, насколько это правильно. Позади Снорри начал спешиваться один из воинов, однако ярл покачал головой и бросил взгляд на того, темноволосяго, с которым я заигрывала на берегу.

– Ты испытываешь Фрею в деле, Бьорн.

Бьорн.

Едва прозвучало его имя, вся моя уверенность разлетелась в пыль. Осознание, кто он, врезалось под дых, словно таран. Сын и наследник ярла Снорри. А что еще хуже, он дитя Тюра, получивший при зачатии в дар от этого бога каплю его крови со всеми чарами. Брат часто рассказывал мне об удали этого человека на поле боя – о воине, что не знал равных и оставлял после себя лишь мертвых. И теперь Снорри хочет, чтобы я сразилась именно с ним?

Тут меня чуть не вывернуло наизнанку, но Бьорн засмеялся.

Он хлопнул рукой по седлу, откинувшись назад, и громко захохотал. А потом утер глаза и ткнул пальцем в ярла.

– Кто бы там ни говорил, что у тебя нет чувства юмора,

отец, все они врут.

– Я не шутил, – холодно процедил Снорри, и под его бородой заметно заходили от явного раздражения желваки.

Ну, или это заметила лишь я. Бьорн снова гоготнул:

– Хочешь, чтобы я бился с этой... девкой? Я? Да против жены рыботорговца, которой едва хватает силенок меч поднять?

Я едва сдержалась, чтобы не хмуриться, ведь клинок весил немало, но явно не больше ведра рыбы, а их я таскаю с утра до ночи.

– Да, Бьорн. Именно так. – Снорри склонил голову набок. – Или отказом ты желаешь дать мне повод усомниться в твоей верности?

Отец и сын буравили друг друга взглядом, и напряжение стало настолько осязаемым, что остальные воины заерзали в седлах. Это было явное испытание, и мне не повезло оказаться в самой его гуще.

Первым уступил Бьорн, прервав противостояние легким пожатием плеч:

– Твоя воля.

Он соскользнул с коня и с хищной грацией направился ко мне. От игривой улыбки не осталось и следа. Я вдруг остро ощутила, насколько он крупнее меня – сплошные мышцы. Однако не это напугало меня. Нет, пылающий в крови ужас, что вызывал желание сбежать, забиться в угол, нахлынул, когда губы Бьорна неслышно выговорили имя «Тюр» и в его

ладони вспыхнул сотканный из огня топор.

Я чувствовала его жар, он пылал куда жарче земного, а всполохи красного, рыжего и синего были так яркие, что резало глаза. Пламя бога. Пламя войны.

– Чего ты добиваешься? – спросил Бьорн отца. – Хочешь доказательство, что она не боец? На...

Он замахнулся.

Я с визгом отпрыгнула, споткнулась о корень, шлепнулась на задницу и выронила меч.

– Вот твое доказательство. Отсылай ее обратно к мужу и рыбе.

– Я ищу иного, – ответил на это Снорри, и у меня все нутро перевернулось от страха при мысли, что я рискую потерять нечто большее, чем гордость.

Я поднялась на ноги и увидела, что брата скрутила пара воинов. В стороне захихикал Враги.

– До первой крови, что ли? – спросил Бьорн.

В голосе слышалась злость, и пламя топора, отзываясь, вспыхнуло ярче. Бьорн не желал биться, но будет, ради преданности ярлу. В противном случае его ждали страшные последствия, на которые он вряд ли пойдет ради незнакомой женщины.

– Нет. – Снорри спешился, бросил поводья другому воину и скрестил руки на груди. – Насмерть.

У меня сжалось нутро. Мир вокруг вдруг стал слишком ярким.

– Бред, – прорычал Бьорн. – Хочешь, чтобы я ее убил? Почему? Потому что этот бесполезный кусок мяса, – он ткнул в сторону Враги, – хочет новую жену?

– Враги – дитя Ньёрда. Он ценный человек, и он доказал свою преданность.

Теперь я сомневалась, а во мне ли вообще дело? Или в Бьорне? Или в чем-то совершенно ином? Я знала наверняка лишь одно – меня душил страх, лишая голоса.

– А я разве нет? – Бьорн вскинул огненный топор, и ярлу хватило ума опасливо отступить на шаг. – Я делаю все, что бы ты ни приказал.

– Нужен еще один приказ? – Снорри склонил голову набок. – Исполни его – или снимешь браслет, уйдешь в изгнание, перестанешь быть моим сыном как именем, так и духом. И чтобы ты не тешился надеждой, что твоя жертва спасет эту женщину, знай – не спасет. Я просто найду другого бойца.

Желваки на скулах Бьорна напряглись, зеленые глаза сузились от ярости, и он ограничился коротким кивком:

– Хорошо.

– Фрея! – крикнул брат. – Беги!

Но я не могла сдвинуться с места. Не могла придумать, что сделать, как спасти жизнь и себе, и Гейру. Я видела лишь один выход: биться.

И победить.

– А если я его прикончу?

Я почти ожидала, что Снорри рассмеется, но он лишь дер-

нул плечом:

– Убьешь Бьорна, Фрея, и я сам сниму с его мертвого тела браслет и надену на твою руку. Займешь его место на моем драккаре в летних набегах, получишь его долю добычи.

Я подняла подбородок, презирая ту часть себя, что ощутила соблазн столь заманчивой награды.

– И свободу от Враги.

Тут Снорри тихо хмыкнул и глянул на Враги.

– Согласен расторгнуть брак?

Муженек ослабился:

– Охотно.

Шансы одолеть столь прославленного воина, как Бьорн, были невелики. А то, что его одарил сам Тюр, делало их и вовсе ничтожными. Но в бою случается всякое, да и я не лыком шита.

– Пусть будет так.

Снорри кивнул, затем посмотрел на прекрасную женщину, что наблюдала за происходящим, оставаясь верхом.

– Ты сложишь об этом песнь, Стейнунн. В случае любого исхода.

– Как прикажешь, мой господин, – ответила та, и в ее глазах, устремившихся на меня, разгорелось любопытство. О том, что здесь творилось, эта женщина явно знала не больше моего.

Я повела плечами, чтобы снять напряжение, и обратилась к одному всаднику:

– Можно твой щит?

Воин хмыкнул и отцепил его от седла.

– Все равно не спасет. Но всякий, кто решает сразиться с Бьорном, уже заслуживает место в Вальхалле.

Слова его прибавили мне сил. Я приняла щит, сжала рукоять за стальным умбоном, но не выказала и толики уверенности, принимаясь обходить Бьорна по кругу. От жара его топора я вся взмокла, но самого Бьорна он, казалось, даже не обжигал. Уж точно не обжигал, ведь Бьорн держал чистый огонь голой рукой.

– Прости, Фрея, – произнес он. – Пусть сам Один тебя встретит полным кубком.

– Так и будет, – сладко улыбнулась я. – Ты ведь его предупредишь обо мне, когда сам туда попадешь. А произойдет это куда быстрее, чем ты думаешь.

Бьорн расплылся в ухмылке, и я на миг снова увидела того мужчину, что заигрывал со мной на берегу. Если я и умудрюсь его прикончить, радости я не испытаю. Но это не значит, что я буду мешкать с последним ударом.

Бьорн взглянул через плечо на Враги:

– Ты дурак, раз...

Я напала.

Клинок полоснул было его по животу, но Бьорн, явно повинувшись некоему чутью, успел отпрянуть, и острие зацепило лишь ткань рубахи. Он медленно двинулся по кругу, пристально меня изучая:

– Не так я себе это представлял.

– Судьбе до представлений нет дела. – Кровь ревела в жилах, взгляд то и дело срывался к пылающему топору, хотя я знала, что следить нужно вовсе не за ним. Ведут глаза и тело, а не оружие. – Все, что есть и будет, уже соткали норны.

Я снова рубанула мечом, Бьорн парировал, и его мощь отбросила меня назад.

– Если уж так хочешь поучать, надо разбираться в вопросе. – Он отразил еще удар, но не спешил отвечать тем же. – Свою судьбу я плету сам.

Из-за крови бога в его жилах. Я это знала. Прекрасно знала, потому что Враги часто бахвалился той же властью, пусть обладание оной никак не докажешь.

– Тогда твою судьбу решает отец, ведь ты, похоже, делаешь все по его указке.

Глаза Бьорна полыхнули гневом, и я опять бросилась вперед, целясь в ребра. Он ловко ускользнул с линии удара, поразительно быстро для такого здоровяка, и небрежно отмахнулся топором от моего меча, но от их столкновения я вздрогнула. Пламя лизнуло клинок, и я рывком его отдернула, подставляя щит под следующий удар топора.

Лезвие вонзилось в дерево ниже умбона, и я уперлась пятками в землю, когда Бьорн выдернул его, чуть не вырвав щит из моей руки. Но хуже всего было то, что в нос ударил запах тлеющей древесины – щит загорелся, и за клубился дым.

И все же я не осмелилась его бросить.

Во мне бушевал страх, я взмокла от макушки до пят, все вокруг казалось невыносимо ярким. Нужно было нападать, немедленно, пока пламя не вынудило меня отшвырнуть щит. Пока я не выдохлась.

Я ринулась вперед, обрушивая удар за ударом, и меня все больше захлестывала паника, ведь Бьорн отбивал их все, не меняясь в лице и не наступая в ответ. Да и зачем бы, если огонь, пожирающий мой щит, сам за него все сделает?

– Покажи, чего ты стоишь, Бьорн, – прорычал Снорри. – Покажи ей, что такое настоящая битва!

Дыхание вырывалось из груди частыми, прерывистыми толчками. Я взмахивала мечом снова и снова, понимая, что спасти меня может только победа. Только смерть Бьорна, хоть я оной и не желала.

– Зачем тебе это? – спросила я Снорри, задыхаясь. – Что тебе даст моя кончина?!

– Мне твоя кончина – ничто, – бросил ярл. – Так что бейся!

Бред какой-то.

Но лишь Бьорн, кажется, придерживался того же мнения.

– В этом поединке нет доблести. Просто слабый хером торгош хочет, чтобы настоящие мужчины покарали его жену за его неудачи на ложе под мехами.

– Да я ее каждую ночь пахал! – заорал Враги. – Это она виновата!

– Возможно, ты пахал не то поле! – расхохотался Бьорн и

отскочил от моего удара, легонько стукнув топором о щит, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

Мой гнев вспыхнул ярким пламенем не столько от грубости намека, сколько от того, что Бьорн даже не удостоивал меня чести вступить в настоящий бой.

– Сок лимона вмиг убивал все, что его жалкий хер мог высеять!

Наверное, было неразумно выдавать свой секрет, но раз уж смерть казалась неминуемой, стоило увидеть это выражение ошеломленного возмущения на роже Враги.

Бьорн взревел от хохота, отшатываясь и держась за живот, хотя тут же отбил мой меч, когда я попыталась его пырнуть.

– Боги, Враги! – гоготнул Бьорн. – Миру и впрямь будет лучше без твоих отпрысков, если ты никак не задался вопросом, почему твоя женщина отдает лимоном на язык.

На язык?.. Я замерла, уставившись на Бьорна, а тот медленно расплылся в улыбке.

– Похоже, он определенно все делал не так.

– Бьорн, закрой поганый рот! – Снорри принялся обходить нас по кругу. – Убей ее немедленно – или я вырежу тебе язык, чтоб заткнуть!

Искра веселья в глазах Бьорна погасла.

– Мне жаль, что судьба к тебе так неблагоприятна, Фрея.

Он напал внезапно.

Не осталось и следа от ленивых взмахов и непринужденных отскоков. На смену им пришли сокрушительные удары,

что отбрасывали меня назад.

Я думала, что умела сражаться, что знала, какая она – настоящая схватка. Но ничто было не способно подготовить меня к осознанию, что, как бы сильно я ни била, как бы стремительно ни парировала, меня ждал неизбежный конец.

Щит пылал, от едкого дыма и жара пекло глаза, но я так и не смела его выронить. Бьорн вновь ударил. Я попыталась отбить, но топор зацепил меч, вырвал его из моих пальцев и отшвырнул в лесную чащу.

Вот и все.

Мгновение истины.

Бьорн колебался, отступив назад вместо того, чтобы нанести последний удар. Убивать он умел. Но он вовсе не был палачом.

– Давай! – рявкнул Снорри. – Хватит уже тянуть. Прикончи ее!

Меня сковал страх. Страх столь мучительный, что, хоть я и втягивала воздух судорожными, отчаянными глотками, он будто не доходил до легких. Словно собственный ужас меня душил. И все же я сумела вскинуть горящий щит, готовая сражаться до конца. Умереть с честью. Заслужить место в Вальхалле.

Размытый силуэт пылающего топора обрушился на щит. Дерево треснуло, я попятилась, едва не упав. Руку обожгло болью, и у меня вырвался всхлип.

Бьорн замахнулся снова.

Я заранее почувствовала, как удар разнесет щит и отрубит мне руку. Как в нос ударит вонь горелой плоти. Моей собственной выжженной крови.

Дух мой дрогнул – а затем сломался.

– Хлин, – выдавила я имя, что было под запретом всю мою жизнь, – убереги!

Когда пылающий топор Бьорна врезался в щит, что вдруг стал соткан из серебристого света, меня ошеломил раскат грома. Бьорна отбросило в воздух с такой силой, что он врезался в дерево в дюжине шагов и оно расколосось.

Оглушенный Бьорн мешком рухнул на землю, а его топор угодил в кучу хвои, которая мгновенно вспыхнула огнем.

Однако никто не попытался ее потушить. Никто не шелохнулся. Даже звука не издал.

Бьорн медленно оттолкнулся от земли, потряс головой, чтобы прийти в себя, и нашел меня взглядом.

– Дева щита, – произнес он дрогнувшим голосом.

Меня пробрала дрожь, и я подавила чары. Но было поздно. Теперь все увидели.

Теперь все знали.

– Смотрите, господин, – объявил Враги громким, скрипучим голосом. – Как я и говорил, Фрея – дитя богини Хлин, и она скрывала свой дар.

Хотя это уже и не имело значения, первой промелькнувшей у меня мыслью было: «Как он узнал?»

Враги ухмыльнулся, увидев вопрос в моих глазах:

– Все те разы, когда ты тайком ускользала, я думал, что ты спишь с другим. Вот взял и проследил. И правда застукал, хоть и не в чужой постели.

У меня засосало под ложечкой. Как я могла проявить такую безмерную глупость? Почему не была осторожнее?

– Стейнунн, – произнес Снорри. – Твое творение станет песнью нашего века, и сотворит ее твой дар.

Женщина не ответила, лишь смотрела на меня таким пристальным взглядом, что я невольно отвела глаза.

Бьорн погасил огонь, вспыхнувший от его оружия, и приблизился, держа топор, все еще охваченный пламенем.

– Я так понимаю, ты вовсе не желаешь ее смерти от моей руки.

Снорри хмыкнул:

– Не уверен, что ты смог бы, даже при всем старании. Предсказано, что имя ее родится от пламени бога. Ей не суждено умереть от твоей руки.

– Она судьбовольная, – возразил Бьорн. – Никто не способен предвидеть, убью я ее или нет, даже боги.

Ярл коротко хохотнул:

– Думаешь, я не знаю собственного сына? Я знал, что ты станешь тянуть со смертельным ударом до последнего, пока ужас не заставит ее выдать себя.

Снорри ловко стравил нас друг с другом.

Пустота в моей груди стала наливаться тлеющим жаром ярости. И он вспыхнул ярким пожаром, когда ярл достал из-

за пазухи кошель и бросил его Враги.

– Выкуп за невесту. И плата за верность.

– Ах ты вероломный ублюдок! – прорычала я. – Твоей жадности нет предела?!

– Это не жадность, Фрея, – заявил Враги, выуживая из кошелья золотое ожерелье и любуясь им. – Я просто воздаю почести богам, толкая тебя к истинному предназначению. Тебе, по правде, меня благодарить надо.

– Благодарить?!

– Да. – Он расплылся в ухмылке. – Скоро ты станешь второй женой ярла, а значит, будешь жить в его большом зале, среди бесконечных побрякушек и несметных богатств. И он возьмет тебя в набеги, а ведь ты этого и хотела.

Второй женой. Я в ужасе уставилась на Снорри, и хотя в его глазах мелькнуло раздражение, он кивнул.

– Почти два десятилетия назад провидица изрекла мне пророчество о деве щита, что явилась на свет в ночь багровой луны. Она поведала, что имя этой женщины родится в божественном пламени и она объединит народ Скаланда под властью того, кто станет владыкой ее судьбы.

– Судьбу плетут норны. – Язык одеревенел, и я с трудом сглотнула ком в горле. – Они над ней властвуют.

– Все предопределено, кроме жизни детей богов, – поправил меня Снорри. – Твой путь сокрыт, и каждый твой шаг перекраивает нити жизни всех, кто тебя окружает.

У меня в ушах глухо и надрывно загудело, солнце стало

невыносимо ярким. Я ведь никто, а Хлин... самая незначительная из богов, о ней почти никто не вспоминал. Она точно недостаточно сильна, чтобы объединить роды под чьим-то началом.

– Тебе суждено создать конунга, Фрея, – продолжил ярл и, шагнув ко мне, крепко сжал мои локти. – И как твой муж, владыка твоей судьбы, этим конунгом стану я.

Вот почему отец требовал, чтобы я держала свой дар в тайне, вот почему отец был так уверен, что, если я его раскрою, меня станут использовать против воли. Приближенный воин ярла, он наверняка знал о пророчестве. Знал о намерениях Снорри и не желал мне такой жизни. И я себе такой жизни не желала.

– Нет!

– Выбор не за тобой, – ответил Снорри. – Отец твой мертв, решение за Гейром.

Воины, удерживавшие моего брата, выволокли его вперед, и он сплюнул кровавую слюну в грязь перед ярлом.

– Если Фрея говорит нет, значит, нет. Я не обещаю сестру, принуждая ее к очередному замужеству, которого она не желает.

– Думаю, тебе стоит пересмотреть это решение. – Снорри перешагнул плевков и встал перед моим братом. – Я требую верности от своих воинов, особенно от тех, кто ходит на моем драккаре. А это не верность, мальчик.

Гейр стиснул зубы, и его мечты на моих глазах обратились

в прах.

Сердце сжалось от боли, когда брат коснулся железного браслета на своей руке, но тут Враги громко произнес:

– Слышал, отец Ингрид ищет для нее хорошую пару. – Он подбросил кошель, который получил за то, что меня предал. – Думаю, выйдет неплохой выкуп за невесту.

Гейр побелел как мел, а у меня внутри все оборвалось. Мы оба знали, что отец Ингрид примет золото, как бы дочь ни противилась. Я не могла этого допустить. Не могла позволить, чтобы жизни моего брата и лучшей подруги пошли под откос из-за меня. Ведь именно моя опрометчивая глупость и втянула нас в эту передрагу.

– Хорошо. – Мой голос прозвучал сдавленно и чуждо. – Я за тебя выйду. Но при одном условии. Мой брат сохранит браслет и положение.

Снорри задумчиво почесал бороду, затем кивнул:

– Добро.

Он бросил быстрый взгляд на Гейра, и брат скупно кивнул, глядя куда угодно, только не в мою сторону.

– Добро.

Снорри повернулся к своим воинам:

– Все тому свидетели? Фрея согласна стать моей невестой. Кто-нибудь оспорит мое на нее право?

Все нестройно забормотали в знак согласия. Все, то есть кроме Бьорна. Не отрывая от меня пристального взгляда, он поднял по-прежнему пылающий топор, будто готовый дей-

ствовать. А я почему-то, сама не способная это объяснить, отступила на шаг с затрепетавшим сердцем.

Но Бьорн лишь вновь опустил топор, едва заметно качнув головой.

– Решено. – Снорри знаком приказал воинам поднять Гейра на ноги. – Ты сохранишь браслет и положение, Гейр, но мы должны решить вопрос твоей верности. Ты знал, что я разыскиваю дочь Хлин, однако ни словом не обмолвился о своей сестре, прекрасно зная, что в ее жилах течет кровь богини. За это ты понесешь кару.

Он взвесил в руке свой топор.

– Нет! – вырвался у меня пронзительный от ужаса крик. – Ты дал слово!

Я бросилась было встать между ними, но Бьорн оказался проворнее. Он схватил меня за пояс и дернул так, что я вжалась спиной ему в грудь.

– Он не убьет, – шепнул Бьорн, обдавая мое ухо горячим дыханием. – Что сделано, то сделано. Не лезь.

– Пусти! – Я вырывалась, брыкалась, пытаюсь врезать ему пятками по ногам, но он лишь оторвал меня от земли, как ребенка. – Гейр!

Брат стоял с прямой спиной, гордо вскинув голову. Смирившись со своей участью.

Снорри размахнулся.

Топор плашмя ударил Гейра в голень, и треск сломанной кости эхом прокатился по лесу. Я закричала.

Брат смолчал.

Его лицо стало мертвенно-бледным, но он не издал ни звука, рухнув как подкошенный, со сжатыми кулаками.

Снорри заткнул топор обратно за пояс:

– Вернешься ко мне, когда снова сможешь ходить, понял?

– Да, господин, – выдохнул Гейр.

Я принялась драть ногтями руки Бьорна, пытаюсь добраться до брата. Мне нужно было ему помочь. Но Бьорн все не отпускал.

Снорри поймал мой взгляд, пронзая насквозь своим.

– Ты – женщина, что желанна многим, дева щита. Благодаря песням Стейнунн весть о тебе мигом облетит всех, и каждый тебя захочет заполучить. Многие попытаются ударить по тем, кто тебе дорог, чтобы тебе навредить. – Ярл помолчал. – Мои люди присмотрят за твоей семьей, дабы никакая... напасть их не настигла.

Его слова вышибли воздух у меня из легких, а нутро все сжалось. Снорри не обещал защитить мою семью, он угрожал, чтобы добиться моего повиновения. А после того, что он сотворил с Гейром, у меня не осталось ни малейшего сомнения – если ярлу перечить, он способен на куда худшее. Поэтому я скупо кивнула.

Никто не двинулся с места. Никто не произнес ни слова, слышалось лишь рваное, полное боли дыхание моего брата.

– Ну, значит, я пошел, – объявил Враги, прерывая тишину, вернулся к лошади и быстро вскочил в седло. – Не хва-

тало, чтобы Гейр примчался к отцу Ингрид вперед меня.

Враги жестоко расхохотался.

Ярость во мне вспыхнула жгучим огнем.

– Не смей! – заорала я. – Оставь ее в покое!

– Ингрид будет отменной женой, – со смешком отозвался

Враги.

Справа Гейр полз за Враги. Умолял кого-нибудь дать ему лошадь. Мой брат – и умолял.

– Ты получил, что хотел! – кричал он. – Ты избавился от Фрей, ты получил золото, Ингрид тебе не нужна!

Я больше не могла это терпеть.

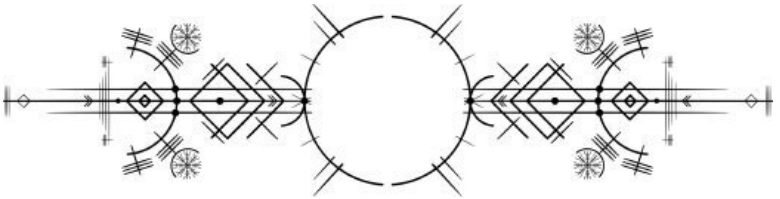
Запрокинув голову, я крепко приложила Бьорна в подбородок, и он меня выпустил. Как только ноги коснулись земли, я вцепилась в пылающую рукоять топора и вырвала ее из его ладони. Боль пронзила до самого плеча, языки пламени обьяли кожу, обжигая до мяса, и я взвыла, вскинув его над головой. Огонь лизнул щеку.

А потом я его метнула.

Топор, вращаясь и оставляя шлейф искр, пролетел по дуге.

И с сочным чавкающим звуком вонзился Враги в затылок.

Глава 3

Я уставилась на пылающий топор, что торчал из головы моего мужа. Враги медленно обмяк, сполз с лошади и глухо шлепнулся на землю. Только тогда топор исчез, оставив за собой лишь яркие пятна перед глазами.

– Дура! – взревел Снорри.

– Ты о чем думала?! – Бьорн не сводил с меня глаз, и они были полны потрясения и ужаса.

– Он заслужил, – прошептала я. В нос ударила едкая вонь горящих волос Враги. – Он жадный, вероломный ублюдок, без которого миру только лучше.

Был. Был жадным, вероломным ублюдком.

– Как ты это допустил, Бьорн? – прорычал Снорри, бросившись на сына, но вдруг застыл. – Как ты позволил ей себя обезоружить?

– Я и не думал, что она так сделает, – Бьорн замотал головой. – Никто никогда не пробовал. Никто не безумен настолько, чтобы тронуть огонь Тюра!

И тут до меня дошло, что они в ярости не потому, что я убила Враги. Они в ярости потому, что...

Боль обрушилась.

Мука, неведомая мне прежде, пронзила руку, и я опустила взгляд. Запястье и тыльная сторона ладони покраснели и покрылись волдырями, тогда как сама ладонь и пальцы, казалось, вовсе не ощутили боли. Я начала было переворачивать руку, но Бьорн крепко сжал мой локоть.

– Не стоит. – Другой рукой он поймал мой подбородок, вынуждая посмотреть ему в глаза. – От взгляда будет хуже.

Его глаза были такого восхитительного зеленого оттенка, а ресницы – темными и длинными, что, несмотря на боль, нарастающую с каждым ударом сердца, в голове засела одна мысль: несправедливо мужчине иметь такие красивые ресницы.

– Так скверно?

– Да.

– Ох.

Меня повело.

– Если хочешь, чтобы твоя дева щита сохранила руку, – произнес Бьорн, – нам нужно вернуться в Хальсар, чтобы ей помогла Лив.

Снорри выругался, затем его лоб прорезала глубокая складка.

– Предсказано, что ее имя родится в огне. Я думал, что огонь Тюра должен заставить ее раскрыть дар, но то было

проявление страха. Тогда как это, – Ярл умолк, и его глаза вспыхнули фанатичным блеском, – ...это проявление отваги, что подарит Стейнунн песнь, которая веками будет жить в устах скальдов. Поступок, что боги наградят.

Если так боги видели награду, я взмолилась, чтобы никогда не познать их кары.

Снорри все не унимался:

– Чтобы вы не приняли милость богов к ней за повод к бездействию, зарубите себе на носу: если она лишится руки, я сам порублю вам пальцы, каждому!

– На все один ответ, – буркнул Бьорн сквозь зубы, а потом рывкнул: – Тащи мазь из моей седельной сумки!

Он так и сжимал мой подбородок, не давая опустить лицо и посмотреть вниз.

– Мне жаль, – выдавила я, содрогаясь всем телом.

– И поделом. – Он не отпуская мой взгляд, и я готова была поклясться, что именно это удерживало меня от крика. – Если я лишусь половины пальцев, тебя проклянут все бабы в Хальсаре.

Я тупо заморгала, и тут до меня дошло, что он имел в виду. И то, как он пренебрежительно отнесся к моей боли, заставило меня оскалиться и зарычать.

– А может, восхвалят за то, что я избавила их от твоих загребущих лап.

Бьорн ухмыльнулся, сверкая белоснежными зубами на фоне загорелой кожи.

– Ты так думаешь потому, что еще обо мне не наслышана. Через день-другой в Хальсаре ты узнаешь правду.

Мне хотелось лишь кричать, кричать и еще раз кричать, но я вымучила:

– Правда, которую женщины открывают друг другу, отличается от того, что они говорят мужчинам.

Он усмехнулся шире:

– Правда может быть только одна. Остальное – фальшь.

– Именно, – с трудом выдавила я.

Бьорн рассмеялся, но сжал мой подбородок и руку сильнее. Спустя мгновение я поняла почему: кто-то коснулся ожогов, боль окрасила мир ослепительно-белым. Я завывала, захлебываясь рыданиями, и лишь мертвая хватка Бьорна не дала мне рухнуть.

– Тише, Фрея, – говорил он мягким, обволакивающим голосом. – Мазь уймёт боль.

Я судорожно вздохнула.

– Бьорн, – глухо проронил кто-то. – Это же...

– Знаю, – резко оборвал он. – Нужно торопиться.

Его слова подстегнули мой страх, но я должна была все увидеть. Узнать, насколько плохи дела.

– Дай мне взглянуть.

Бьорн стиснул зубы:

– Фрея...

Я высвободила подбородок и посмотрела вниз. Кожу запястья и руки покрывала густая красная паста, не касаясь

ладони. Потому что ладонь...

Осталась без кожи.

Я уставилась на чернеющее месиво из пепла, содрогнулась в рвотном позыве, а потом согнулась, и меня вывернуло наизнанку. Мир завертелся и поплыл.

– Предупреждал же. – Бьорн обернул ожоги тканью, затем присел и подхватил меня под колени и плечи.

– Я могу идти, – возмутилась я, хотя это, вероятно, было враньем.

Определенно враньем.

– Не сомневаюсь. – Бьорн поднял меня так, словно я весила не больше ребенка, и прижал к груди. – Но так выйдет куда более захватывающая история, которую Стейнунн воспоеет. Поверь, за каждым шрамом должна стоять отличная история.

– Фрея!

Гейр пытался подползти ко мне, по его лицу текли слезы.

– Зачем ты это сделала? – рыдал он. – Ты потеряешь руку!

– Не потеряет, болван, – огрызнулся Бьорн. – И твой скулеж ничем не поможет.

Взгляд Гейра потемнел.

– Ты здесь виноват, Огнерукий. Твой топор это с ней сотворил.

Сквозь головокружение и страх во мне всколыхнулась ярость.

– Я сама это сотворила, – выдавила я сквозь зубы. – И не

жалею. Враги загубил бы жизнь Ингрид. И твою.

– Я же твой брат... это я должен тебя защищать.

Его слова лишь подстегнули мой гнев.

– Если ты так считаешь, то ты, похоже, ничего не понял.

– Посади его на лошадь и отправь к матери, – резко приказал Снорри кому-то из людей. – И еще, Гейр. Не попадайся мне на глаза, пока не научишься держать язык за зубами.

Боль утихала. Что бы там Бьорн ни нанес, от этого снадобья рука онемела от локтя до кончиков пальцев. Но вместо облегчения меня пробрало ледяным холодом так, что я начала дрожать. Бьорн отнес меня к своему коню, усадил, а затем ловко запрыгнул в седло и прижал меня к себе за талию. Моя задница вжалась в его бедра, и эта близость мигом воскресила в памяти наш разговор на берегу.

– Я могу ехать одна.

– Лошадей не хватит.

– Тогда сзади, – прошелестела я. – Я могу ехать сзади тебя.

Бьорн фыркнул, высылая коня в рысь:

– Ты только что мужику топор в затылок всадила. Думаешь, я такой дурак, чтоб тебя за спину сажать?

– У меня нет оружия. – С каждым движением коня, перешедшего на легкий галоп, я все больше терлась о Бьорна. – Думаю, ты в безопасности.

Грудь его заходила ходуном от смеха.

– Позволю себе не согласиться, дева щита. Ты доказала свою находчивость.

Из-за боли я почти забыла, что тайна, которую я хранила всю жизнь, теперь раскрыта. Порой я грезила, как прокричу ее на весь мир, отстою свое наследие вопреки предупреждениям отца. Но сейчас, когда все стало известно, мне предстояло взглянуть в глаза кошмару, в который превратится моя жизнь.

– Не называй меня так.

– Ты права, – отозвался Бьорн. – Как-то банально... придумаю получше. Например, Фрея Одноручка. Или Фрея Топорокрад. Или Фрея Обгорелая Ладонь.

Вдали показался Сельвегр, но его очертания расплывались, дома сливались в одно уродливое пятно.

– Ты мне не нравишься.

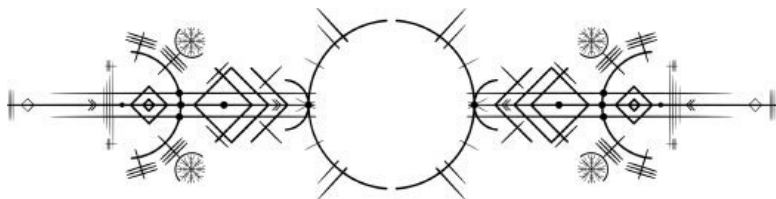
– Отлично. И не надо. – Бьорн крепче обхватил мою талию, понукая коня перейти в галоп. – Мазь вызовет усталость. Возможно, ты уснешь. Не противься этой милости, Фрея.

– Я удержусь.

Не засну. Нельзя. И все же с каждым ударом копыт дремота утягивала меня все глубже, дальше от ужаса и страданий. Последнее, что я запомнила, прежде чем меня поглотила темнота, был голос Бьорна над самым ухом:

– Я тебя удержу.

Глава 4

Я очнулась в тумане и боли, с ощущением, будто меня куда-то опускают. В груди вспыхнул страх, и я стала отбиваться от рук, что меня хватали, даже когда мир бешено завертелся.

– Отпусти, – буркнула я, слепо брыкаясь, и пятки коснулись земли. – Отпусти!

– Тише, Фрея, – произнес сзади глубокий голос.

Знакомый голос, но когда я повернулась, лицо человека расплылось мутным пятном.

– Бьорн? – Имя застряло в горле комом, во рту все пересохло, язык едва ворочался.

– Действие мази сходит на нет, – произнес Бьорн вместо ответа. – Скоро снова будешь видеть ясно, хотя, возможно, пожалеешь, потому что вернется боль.

Он поднял голову.

– Пошли за Лив. Скажи, что ожог. – Бьорн помедлил. – От огня Тюра.

– Слышали?! – крикнула незнакомая женщина. – Идите!

Живо.

Затем тоном, холодным как лед, она добавила:

– Зачем ты ее ранил, проклятый глупец? Что толку от однорукой девы щита?

– Держать щит хватит и одной руки, – отозвался Бьорн легкомысленно, однако его пальцы на моей талии ощутимо напряглись.

Я обернулась посмотреть, кто смеет так говорить с сыном ярла. В глазах и правда прояснилось, я разглядела женщину, пожалуй, лет на двадцать старше меня. Длинные рыжевато-каштановые волосы ниспадали свободными локонами, обрамляя миловидное лицо, но взгляд тут же притянули массивные золотые серьги, что сверкали в лучах солнца. Нет, они были не просто золотые, а еще и с драгоценными камнями, и я в восхищении пялилась на них, раскрыв рот.

– Она что, и увечная, и недалекая? – спросила женщина, и мой взгляд впился ей в глаза. Они были цвета самой бледной лазури, с тонким черным ободком. Словно оледеневшие водопады посреди лютой зимы.

– Спорный вопрос, – ответил Бьорн. – Фрея, это Ильва, жена ярла Снорри, владычица Хальсара.

Разве это не означало, что она его мать?..

– Госпожа. – Я попыталась почтительно склонить голову, но от движения она так яростно закружилась, что, не будь рядом Бьорна, я бы зашаталась и врезалась прямым ходом в Ильву.

Та презрительно фыркнула:

– Где мой супруг?

– Он скачет медленно, сама знаешь. Куда уложить Фрею?

Насчет боли Бьорн оказался прав. Видела я теперь ясно, но каждый удар сердца, казалось, разгонял не только кровь, но и агонию все сильнее и сильнее. Кожа леденела там, где ее не опалял жар, и я снова задрожала.

– Мне нехорошо.

– Выглядит так, будто умирает, – бросила Ильва. – Где Снорри?

– Прибудет следом, уверен.

К горлу подкатила тошнота, я рванулась из рук Бьорна. Меня вывернуло, но изо рта хлынула лишь желчь. От силы позыва я рухнула на колени и чуть не уперлась ладонью в грязь, но Бьорн успел подхватить меня за локоть и удержать.

– Чудесно, – с досадой выдохнула Ильва. – Неси внутрь. Теперь это и ее дом, если выживет.

Дом.

Когда Бьорн поднял меня, стараясь не касаться обожженной руки, я перевела взгляд на строение, что возвышалось над нами. Большой зал. По виду он напоминал обычный дом, но высился вдвое выше любых, что мне доводилось видеть. Доски стен были украшены разными рунами и переплетениями орнаментов, а широкие двойные двери так велики, что могли пропустить пятерых мужчин в ряд.

Когда мы ступили в сумрачный покой, мой взгляд скольз-

нул к возвышению, где стояли два массивных трона. Перед ними, по обе стороны каменного очага длиной не меньше четырех метров, тянулись столы. С выси потолка свисали сплетенные олени рога, украшенные серебром, и над общим залом простирался второй ярус.

Меня провели мимо столов в дальнюю часть, отделенную от залы тяжелыми занавесями, подвешенными к верхнему ярусу. Там стояло несколько лежанок, и Бьорн направил меня к одной.

С немалым облегчением я опустилась на густые, мягкие меха, и Бьорн укрыл меня такими же, но даже они не могли унять озноб. Я дрожала, и большая часть воды из чаши, которую Бьорн поднес к моим губам, стекала по подбородку, так и не попадая в горло. Его ладонь легла мне на затылок, помогая держать голову. Я жадно проглотила воду и снова обмякла.

– Больно.

– Знаю.

Я прикусила внутреннюю сторону щек, чтобы сдерживать слезы, не желая выдать еще больше слабости.

– Откуда? Тебя он не обжигает.

– Огонь Тюра – нет. А обычный – вполне. – Он развернулся и, задрвав рубаху, показал крепкие мышцы, татуированную кожу и извивающийся поперек лопатки выцветший белесый шрам, не тронутый черными чернилами. – Поджег хижину, когда еще в детстве впервые призвал пламя. На ме-

ня упала горящая балка. Такую боль не забудешь.

Все верно.

Такая боль остается в памяти навеки.

Бьорн сел на табурет рядом с кроватью и наклонился осмотреть мою руку, на которую я старательно не смотрела, и я воспользовалась возможностью пробежать взглядом по его высоким скулам и волевому подбородку с ямочкой, почти скрытой щетиной, по слегка кривому, явно когда-то сломанному носу. Под этим углом я разглядела края багровой татуировки на затылке, что, вероятно, служила меткой его рода. Волосы у него были такие черные, какие редко встретишь, в лучах света, падавшего через проем в крыше, они становились синеватыми, а не бурыми.

Прядь, выбившаяся из завязки на затылке и заправленная за ухо, выскользнула, повисла у щеки. Я невольно подняла правую руку, чтобы ее смахнуть, но из-за движения боль прострелила до самого плеча.

Рука ведь... правая.

Та рука, которой я делала все, – и вот я могла ее лишиться. Этот страх, сильнее самой боли, заставил горячую слезу скатиться по щеке, и я крепко зажмурилась. А когда снова открыла глаза, то увидела, как Бьорн с непроницаемым лицом пристально на меня смотрит.

– Стоило оно того? – спросил он.

Перед внутренним взором возник образ брата, как он полз следом за Враги, пытаясь его остановить. Если бы я не вме-

шалась, Враги бы просто назло присвоил Ингрид, сломал ее, а потом вышвырнул. Или, что вероятнее, как только Гейр встал бы на ноги, он убил бы Враги, и за это Снорри его казнил бы. А теперь у Ингрид и Гейра хотя бы есть шанс. Если мне придется заплатить рукой, так тому и быть.

– Да.

Бьорн негромко хмыкнул, затем кивнул:

– Так и думал.

Повисла тишина, и в ней боль разгоралась с новой силой.

– Ты меня отпустил, – произнесла я, отчаянно надеясь от нее отвлечься. – Почему?

– С чего взяла? Голова у тебя каменная, до сих пор подбородок ноет. – Бьорн снова принялся осматривать ожоги. – Ты вырвалась.

– Лжец, – прошептала я, осмелев из-за боли.

Если уж и задавать неудобные вопросы, то сейчас самое время.

Бьорн застыл полностью неподвижно, затем повернул голову, и луч солнца заставил его зеленые глаза вспыхнуть.

– Враги был ублюдком, который продал собственную жену ради наживы. Мне казалось неправильным отказывать тебе в мести, хотя я думал, ты набросишься на него с кулаками, а не...

Он умолк, скривившись:

– Я недооценил, как глубоко ты его ненавидела.

Я и правда его ненавидела, но теперь, пытаюсь отыскать

в себе это чувство, обнаружила лишь пустоту. Совершенно ничего, хотя взяла и хладнокровно зарубила мужа. Отсутствие всяческих ощущений, хороших или плохих, меня пугало, и я с трудом сглотнула.

Раздалось шарканье обуви по деревянному полу. Следом появилась невысокая, светлокожая женщина с ореолом огненных кудрей, а за ней – Ильва. Бьорн встал:

– Лив.

– Отчего же, если где-то случается беда, Бьорн, ты всегда оказываешься в самой ее гуще?

– Всегда – это громко сказано.

Бьорн ухмыльнулся – белозубая улыбка, сияющие глаза и привлекательные черты – явно такой взгляд не раз выручал его из подобных ситуаций, но невысокая женщина лишь фыркнула:

– Иди заигрывай с теми, кому это нужно, пустоголовое ты создание. У меня нет ни времени, ни желания слушать твои глупости.

У меня вырвался смешок, и женщина с улыбкой посмотрела на меня мягкими карими глазами.

– Раз можешь смеяться, значит, закапывать еще не пора. – Она опустила сумку рядом с лежанкой, уселась на табурет, который освободил Бьорн, и принялась аккуратно разматывать мою руку.

– В приступе неистовой ярости цапнула мой топор. – Прислонившись к стене, Бьорн мне подмигнул. – На твоём месте

я не стал бы ее злить. А уж если разозлишь, то не поворачивайся спиной.

– А сам-то своему же совету явно не последуешь. – Лив тихо прищелкнула языком и покачала головой, отчего у меня екнуло сердце, а страх вспыхнул с новой силой. – Как тебя звать?

– Плевать на имя, руку-то она сохранит? – Ильва обошла Бьорна и, склонившись над лежанкой, скривилась при виде ожогов. – Она – та самая дева щита, которую мы искали. Она сделает Снорри конунгом Скаланда, если не станет бесполезна из-за собственных глупых поступков.

Лив напряглась, мельком взглянув на Бьорна в поисках подтверждения, но я почти не обратила на это внимания. Бесполезно. Глаза жгло, и я часто заморгала, чувствуя, как все мои мечты обращаются в прах.

– Я Фрея, дочь Эрика.

– Молись Хлин, Фрея. Ибо лишь богам решать, исцелишься ли ты. – Лив посмотрела на Ильву. – Принеси жертву Эйр. Козы достаточно, но ты должна все сделать сама.

Ильва презрительно скривила губы, однако ничего не сказала. Лишь кивнула и вышла, принимаясь кричать на слуг уже снаружи.

– Вот и отвлечется ненадолго. – Порывшись в сумке, Лив достала баночку меда и горсть чего-то, похожего на мох, и положила их на стол. – Но сперва разберемся с болью.

Положив желтое вещество в глиняный горшочек, Лив

поднесла свечу и подожгла его. Затем наклонилась к моему лицу и встретилась со мной взглядом.

– Дыши глубоко, – скомандовала Лив и подула на дым, чтобы направить его в мою сторону.

Я послушно сделала вдох, а потом закашлялась, втягивая при этом еще больше дыма. Почти сразу дрожь отступила, и я обмякла.

– Лучше? – поинтересовалась Лив.

Я все еще чувствовала ожоги, но они больше не вызывали желания кричать.

– Ага, – пробормотала я, погружаясь в странное состояние. Словно я была в своем теле... и одновременно вне его. – Не твои ли чары я ощущаю?

Я мало что знала про дар детей Эйр, ведь они встречаются редко и обычно прислуживают ярлам.

– Нет. – Лив улыбнулась. – Лишь цветок, что годен для многого.

– Не привыкай, Фрея Пеплорукая. Этот цветок многих сгубил, – заметил Бьорн, и мой взгляд скользнул к его лицу.

Мне было совершенно плевать, что я так бесстыдно на него пялилась.

– Ну не бывает у людей такого красивого лица.

Бьорн вскинул бровь:

– Не пойму, лезть это или оскорбление.

– Сама не знаю, – выдохнула я, ощущая необъяснимое желание прикоснуться к нему, проверить, настоящий он или

всего лишь плод моего воображения. – Когда ты появился из воды, я на миг подумала, что это Бальдр вырвался из владений Хель, ведь не мог ты быть простым смертным.

– Кажется, Лив, твой дымок сделал свое дело, – заметил Бьорн. – Не пора ли за работу?

– Ты что, краснеешь, Бьорн? – Целительница хитро улыбнулась. – Вот уж не думала, что ты умеешь...

– Тут жарко.

– Вовсе нет, – возразила я, любуясь легким румянцем на его щеках. – Здесь холодно. Но от тебя всегда исходит тепло, будто внутри огонь. Огонь, который я хочу...

Бьорн поднял мою руку, и я осеклась, замороженно глядя на багровую кожу, покрытую волдырями, но совсем не чувствуя той тошноты, которую ощущала раньше при виде обугленной и почерневшей ладони. Лив удалила худшее крошечными серебряными щипчиками, обнажая участки, которые не должны даже чувствовать прикосновения воздуха. Затем она щедро намазала раны медом и прижала к липкому месиву на моей ладони мох.

– Эйр, – шепотом воззвала Лив, – обрати взор на эту женщину. Если она достойна, позволь ей помочь.

Ничего не произошло.

Даже сквозь туман чарующего дыма меня пронзил укол страха. Неужели меня сочли недостойной? Вполне справедливо – разве не скрывала ли я дар, вместо того чтобы обратиться его во благо, как завещала Хлин? Разве не моя рука

хладнокровно оборвала жизнь того, кто выдал мою тайну? Быть может, это знак, что я не благословлена, а проклята. Знак, что боги от меня отвернулись.

Бьорн сжал мой локоть почти до боли. Я медленно подняла взгляд и обнаружила, что он смотрит на мою ладонь, сжимая зубы, а в глазах стоит... паника?

– Да не мелочись ты, Эйр, – процедил он. – Ты знаешь, кто заслуживает наказания, и это не она.

– Бьорн, – в голосе Лив звучало предостережение, – не бросай вызов богам, иначе они могут...

Мох начал расти.

Сперва я подумала, что мне мерещится. Но в считанные удары сердца мою ладонь оплела густая зелень, извиваясь по тыльной стороне ладони, стремительно окутывая пальцы и запястье, пока не скрыла все ожоги.

– Боги! – выдохнула я, пялясь на увитую мхом руку, которую Бьорн осторожно опустил мне на живот. – Никогда не видела ничего подобного.

Лив по-прежнему хмуро смотрела на Бьорна, и я так и не поняла, обращалась она ко мне или все же к нему:

– Эйр дозволила мне тебя исцелить, но какой вид примет это исцеление – всецело в ее власти. Когда мох увянет, под ним мы можем обнаружить плоть, чистую и нежную, как у младенца, или же скрюченную кисть древней карги.

– Я понимаю. – Ложь. Пусть Снорри и говорил о моей избранности, я таковой себя не чувствовала. – Благодарю тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.